

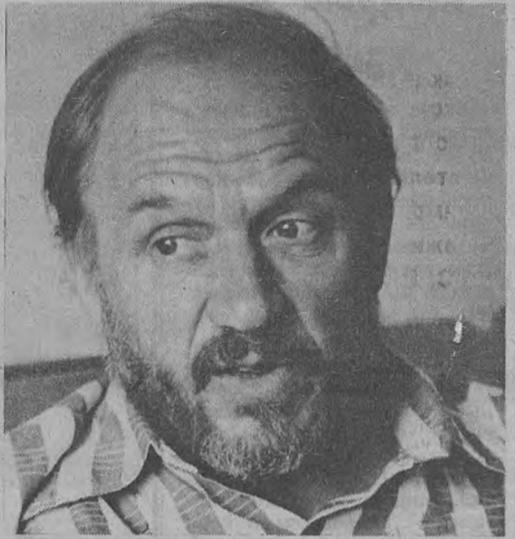
* Встреча с интересным человеком

Лев Константинович

ДУРОВ,

народный артист

РСФСР

Это имя хорошо знакомо каждому советскому зрителю. Вот уже много лет москвичи и гости столицы видят спектакли с его участием в Театре на Малой Бронной. «Женитьба» и «Занавески», «Вы чье, старичье?» и последний, поставленный им недавно, «Оркестр», — одни названия их займут целую страницу...

Немало ролей сыграно Дуровым и в кино. Здесь можно назвать хотя бы такие кинофильмы, как «Успех» и «Зачем человеку крылья», а из телевизионных — фильм «Семнадцать мгновений весны».

ПРИБЛИЗИТЬСЯ К ИДЕАЛУ...

— Лев Константинович, о наших зрительских симпатиях к вашей работе в театре и кино говорить не нужно: они давние, искренние, глубокие. Интересно взглянуть на взаимоотношения «зритель — актер», так сказать, вашими глазами.

— Вы знаете, в детстве моем, когда так широко не было распространено телевидение, актеры были окружены ореолом некой таинственности. Я бы даже сказал, легендарности.

Помню случай, когда увидел в проезде Художественного театра, как вдруг все прохожие замерли и смотрели в одну сторону — туда, где шел какой-то своей особой походкой человек... Только потом я узнал, что это был Качалов.

А теперь актеров воспринимают, как своих, как родных: их могут похлопать по плечу, за просто к ним обратиться. И это нормально, ибо жизнь не стоит на месте. Ныне и доступность театра гораздо большая, чем тогда. Зрители и актеры приблизились друг к другу. Они стали более демократичными, более близкими. В чем-то это, может быть, хорошо. А, может быть, и не совсем.

— Лев Константинович, должно быть, вы уже в детстве мечтали о театре?

— Нет. Я принадлежал к бесполой всех «прослойке» послевоенных ребят и доставлял окружающим массу хлопот. По тем понятиям, я был просто «шпана». Может быть, даже война породила некоторую жестокость детских игр. Например, из колеса трофейной пушки вырезали футбольный мяч, выбрасывали его как бы случайно из ворот своего двора навстречу прохожим и кричали: «Дядя, подкинь мяч!». Человек разбегался, бил по «мячу» (а он весил килограммов двенадцать!)... Только сейчас можно понять, насколько это было жестоко.

Потом я пришел в драматический кружок Бауманского Дома пионеров столицы, где у нас был замечательный педагог Сергей Владимирович Серпинский. Тогда у меня появилась уверенность, что я должен стать актером. Хотя родители и окружающие не восприняли это серьезно. И когда я пошел поступать в школу-студию МХАТ, меня приняли просто, безболезненно. Правда, была такая тенденция: в театральные училища старались принимать ребят попроще, к «пижонам» относились настороженно. И это, вполне возможно, послужило решающим фактором: проще меня не было...

Вскоре по рекомендации Олега Ефремова был принят в труппу Центрального детского театра, за что благодарен и судьбе, и Ефремову. Ибо играл в этом театре репертуар самый невероятный: от пуделя Артемона и Молодого Огурца до царевича Федора в «Борисе Годунове»...

...И вот уже восемнадцать лет — в Театре на Малой Бронной...

— Кстати, мы много пишем и говорим о традициях, присущих тому или иному театру. Думаю, читателю небезынтересно узнать: как бы вы определили традицию Театра на Малой Бронной?

— Кто следит за нашим творчеством, знает, что многие руководители меняли направление нашего театра. Но, быть может, в том и состоит своеобразная театральная традиция, чтобы актеры прошли через различные школы, имели возможность репетировать в совершенно различных жанрах...

Впрочем, определять традицию своего театра не стал бы. Само это понятие — «традиция» — с одной стороны означает накопленный опыт. Опыт определенного коллектива в самом широком смысле слова. Здесь и школа, и манера исполнения, индивидуальности...

Но есть в этом понятии и некий налет консерватизма: это, мол, наши традиции, вот мы такие, и только такие... Для театра жить вне движения, вне динамики просто немислимо.

Опыт русского и советского театра настолько велик, что мы не можем не брать на вооружение ни систему Станиславского, ни школу Малого театра. А разве мало театров поставили спектакли явно под влиянием Вахангова? Разве не оказал Мейерхольд влияние на многих режиссеров?

Другое дело, что слепое подражание не приносит успеха, потому что существует первоисточник. Но опыт расширения собственных рамок состоит и в психологическом углублении, и в яркости театральной формы — они, конечно, необходимы. Это все равно что иметь в доме прекрасную библиотеку, но читать только фантастику; не братья ни за Толстого, ни за Достоевского, а только знать, что они у тебя стоят...

В нашем театре есть разные спектакли. Где б ни играл, всегда считаю: перед глазами нужно иметь наивысший эталон. Это ничуть не принижает нас, а наоборот, ориентирует на что-то большее.

— Согласен. Тем более что ваши спектакли (во всяком случае, многие из них) знакомы жителям Подмоскovie. Они не только, бывая в Москве, любят посещать ваш театр, но и встречают его у себя, когда приходят на выездные спектакли.

— Многие считают такие спектакли тяжелой, обременительной нагрузкой. Я же к ним отношусь с большой заинтересованностью: все же, как бы ни говорите, жители области не имеют возможности так уж часто бывать в хорошем профессиональном театре. Значит, в поездках по Подмоскovie ты еще выполняешь и воспитательную, идеологическую, культурную миссию, способствуешь распространению знаний о театре, прививаешь к нему интерес.

Коломна и Дмитров, Наро-Фоминск и Орехово-Зуево, Жуковский — где только мне не приходилось бывать в моих подмосковных поездках! Должен сказать, люди в области гораздо непосредственней, чем в столице. Но не потому, что они меньше видят. Ведь и среди москвичей встречаются такие, кто бывает в театре не чаще. Но сама «столичность» этих людей делает их внешне искушенными, в то время как у жителя Подмоскovie нет этого ложного груза «всеинформации». Спектакли там проходят всегда празднично — будь это «Женитьба» по Гоголю, которую в театре играли свыше трехсот раз, или, скажем, пьеса Варфоломеева «Занавески». Всегда ощущение премьеры!

— А ваши личные творческие встречи в Подмоскovie?

— Кстати, на них задают те же вопросы, что и в Москве. И понимаешь, что люди эти об актерах знают все: и о «миграции» их из театра в театр, и многое-многое другое... Впрочем, на этих встречах гораздо реже задают праздные вопросы...

— Какие еще ощущения связаны у вас с Подмоскovieм?

— Как ни странно, всегда, когда еду в область, земля подмосковная чарует меня не только красотой лесов или ширью полей. Неминуемо возникает ощущение: здесь снимался! И здесь вот... И здесь... Вот по этому, скажем, лесу, по которому нынче бреду, двигались наши кинокамеры в «Семнадцати мгновениях весны». А по этой лесной дорожке ехал я на телеге и пел в одном из последних фильмов — «Зачем человеку крылья»...

— Лев Константинович, в последние годы вы выступаете в своем театре и как режиссер. В этом новом качестве с какими актерами любите работать?

— В актеров влюбляешься так же, как в пьесу. Так же, как в роль. Вот, например, до последнего поставленного мною спектакля (я имею в виду «Оркестр» Жана Ануя) я никогда не работал с Л. Богдановой, Л. Перепелкиной, Л. Хмельницкой. Лишь с некоторыми из них встречался как с партнерами. У нас была маленькая группа. Мы настолько были дружны и были настолько сплоченны, что выходной день для нас был обузой! (Они мне порой звонили и говорили, что день проходит впустую).

Вряд ли дальнейшая работа в театре позволит мне встретиться с ними точно в таком же ансамбле. И у меня по этому поводу волнение и грусть... Мне кажется, что я без них уже не смогу жить, и точно знаю, что если в следующем моем спектакле будут заняты Л. Броневой, А. Песелев, И. Кастрель, я в них влюблюсь точно так же и буду им предан в этой работе. И, конечно, надеюсь на взаимность, хотя взаимность в театре — вещь очень непростая...

— Вы затронули важную и всегда актуальную проблему внутритеатральных отношений: как относиться к опыту зрелых и более известных актеров, как воспринимать чужой успех и что из него взять для себя полезного, — все это существует столько, сколько существует театр...

— Мне кажется, вы сильно преувеличиваете. Лично я, как режиссер да и как актер тоже, не испытываю ни к кому никакой зависти. И думаю, что каждый режиссер, видя чей-то замечательный спектакль, наоборот, обретает «толчковую» ноту для своей работы. У меня при этом возникает желание взять новый опыт на вооружение.

Да, надо брать на вооружение и изысканную манеру И. Смоктуновского, и мудрость А. Джигарханяна, демократичную народность О. Ефремова и мощную, волевою силу М. Ульянова... Думаю, что каждый мыслящий актер не должен проходить мимо их опыта...

— А если бы вы не стали актером, кем бы вы стали?

— Мог бы стать неплохим столяром. Люблю дерево, его запах. Меня всегда поражало, как из простой доски, из бруска рождается нечто красивое. Ведь и простая табуретка, сработанная мастером, может быть произведением искусства.

Работая в детском театре, часто после репетиций приходишь в «столярку». Столяры шутили: «Это — не соберешь!». Но я начинал собирать: им только оставалось удивляться... У сестры моей до сих пор сохранился журнальный стол, который многие принимают за антикварный. А он сделан мной. Да и у меня в квартире стоит шкаф собственной работы...

К сожалению, сейчас так распisan день, что уж, право, не до «столярки». Я посчитал, что в сутках мне не хватает ровно пяти часов...

— А будь у вас эти пять часов, на что бы вы их употребили?

(Смеется). — Провел бы еще одну репетицию, помог бы кому-нибудь «поставить» телефон... (Помимо актерских и режиссерских обязанностей, Лев Константинович — депутат районного Совета. И еще член профкома, член художественного совета театра).

— Лев Константинович, вот вы говорили, что перед собой надо держать какой-то наивысший идеал. А кто им является для вас?

— Для меня таким идеалом всегда был Чаплин — трагический комик. Чаплин болел душой за каждого обездоленного. И если мне в каких-то ролях хотя бы немножко удалось приблизиться к моему идеалу, — это и было, наверное, моей болью, моим существом...

Беседу вел
В. ЛЕВЕДИНСКИЙ.